

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Разработка серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Мартова, Людмила.

М29 Встреча по-английски / Людмила Мартова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Детективные романы Людмилы Мартовой).

ISBN 978-5-04-100118-6

Перемены в жизни Марии Листопад начались, когда она без памяти влюбилась в актера Джуда Лоу. Чувство было настолько сильным, что Маша взяла отпуск и засела за изучение английского. Ее усилия не пропали даром — вскоре она познакомилась с двумя симпатичными британцами, приехавшими в командировку. Тут-то и пригодилось знание языка, ведь оба джентльмена принялись ухаживать за одинокой девушкой. По странному стечению обстоятельств они проявляли недюжинный интерес к ее квартире, и вскоре там был убит любимый отчим Маши, не вовремя заглянувший навестить ее...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100118-6

© **Мартова Л., 2020**

© **Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020**

Замечательным
Светлане Зининой
и Кристине Беленко,
моими внезапно
обретенным
сестрам по духу.

*Было когда-то на свете двадцать пять
оловянных солдатиков. Все сыновья
одной матери – старой оловянной
ложки – и, значит, приходились
они друг другу родными братьями.
Это были славные, brave ребята: ружье
на плече, грудь колесом, мундир красный,
отвороты синие, пуговицы блестят...
Ну, словом, чудо что за солдатiki!
Двадцать четыре были совершенно
одинаковые – одного от другого не
отличить, а двадцать пятый солдатик
был не такой, как все.*

Г.Х. Андерсен

ГЛАВА 1

Позже, оглядываясь назад и пытаясь вспомнить, что послужило отправной точкой в этой долгой и невероятной истории, Маша отчетливо понимала – все началось с того, что она влюбилась в Джуда Лоу.

Ну, то есть тогда, открыв для себя сериал «Молодой папа», а вместе с ним этого, доселе неизвестного ей британского актера, она решила, что влюбилась. Все симптомы были налицо – лихорадочный блеск в глазах, потеря аппетита, полное отвращение при виде любой встреченной на улице человеческой особи в штанах, апатия к работе и вместо этого судорожный поиск в Интернете любой информации, имеющей отношение к объекту ее внезапно вспыхнувшей страсти. Видеть не хотелось никого, даже горячо любимую подругу Лилию и не менее горячо любимую начальницу Лавру.

Точнее, их не хотелось видеть особенно сильно. При взгляде на Лилию, недавно вышедшую замуж, причем во второй раз, Маша особенно остро ощущала свое несовершенство, поскольку к своим тридцати шести годам

в ЗАГСе не была ни разу и шансы свои в этом плане оценивала как нулевые. Лавра же и вовсе была совершенством во всем. Трогательно хрупкая в свои шестьдесят шесть с копейками, она выглядела на двадцать лет моложе, сохранив не только девичью фигуру и буйство непокорных кудряшек на голове, но и ясность мысли, стойкость характера и умение во всем находить позитив.

Кроме того, обе знали Машу Листопад как облувленную, поэтому раскусили бы с первого взгляда на ее одухотворенное любовью лицо. Лиля, которая, хоть и сидела сейчас в декрете, хватки, присущей помощнику начальника следственного управления, не потеряла. А Лавра, по стечению обстоятельств на данный момент приходившаяся Лиле свекровью, и вовсе имела глаз-алмаз.

Признаваться про Джуда Лоу не хотелось. И подругу, и начальницу Маша нежно любила, а потому выглядеть в их глазах непроходимой дурой было как-то стыдно. В том, что она – непроходимая дура, сомнений как раз не было. Да даже если бы и были, то мама справилась бы с ними в два счета. Мамин язвительный голос, пытающийся вразумить дочь, причем отнюдь не по доброте душевной, звенел у Маши в ушах:

«Все люди как люди. Заводят романы с инженерами, врачами, учителями или, на худой конец, сантехниками. Замуж выходят и детей рожают. А ты все мечтаешь, Мария. Мечты – это, конечно, прекрасно. Но реальная жизнь к ним никакого отношения не имеет», – обычно мама бурчала примерно так. Была права, конечно, но

слышать это еще и от Лили с Лаврой было бы выше Машиных сил.

Не то чтобы хорошо подумав, а скорее от навалившейся на нее безысходности, Маша отпросилась у Лавры в отпуск, в котором не была два года, наврала и начальнице, и подруге, что стала обладательницей горячей, а потому очень дешевой путевки на Кипр, заперлась дома наедине с Интернетом и телевизором и, как говорят англичане, «упала в любовь».

Человеком она была деятельным, а потому записалась на онлайн-курсы по изучению английского языка, которым можно было заниматься, не выходя из дома. Учила она его давно, плохо и недолго, а изъясняться на великом языке Шекспира, Байрона и Джуда Лоу стало для нее на данном этапе жизненной необходимостью. В ночных грезах Маша представляла, как освоит язык, найдет в Интернете какую-нибудь лондонскую фирму по организации праздников, докажет свой профессионализм и наймется на работу.

Как и что она собиралась доказывать, она не знала, но в мечтах это было, в принципе, и не важно. В глубине души Маша прекрасно понимала, что берега Альбиона так и останутся для нее туманными, а возможная случайная (или тщательно подготовленная) встреча на лондонской улице с красавцем Джудом состоится лишь в ее воспаленном воображении, но мечтала горячо и истово.

«Признайся, тебе просто скучно жить, — как-то сказала она своему отражению в зеркале. — Ты умеешь устраивать праздники другим людям, за что тебя и це-

нит Лавра, но ты совершенно неспособна на организацию праздника самой себе. У тебя профессиональная деформация, Листопад. Плюс неустроенная личная жизнь. Твое унылое существование не имеет ни малейшего смысла, это тебя и изводит. Ты боишься, что твое будущее так же уныло, как и настоящее. Боишься, но не предпринимая ничего, чтобы это изменить. Тебе проще мечтать о несбыточном, чем менять реальность. Как там в сериале говорит папа Пий Тринадцатый? «Я – не мужчина, я – трус». Так вот и ты, Листопад, – не женщина. Ты – трусиха». И сказав это, она расплакалась, с отращением глядя на отражавшееся в зеркале лицо.

Изучением английского она занималась с судорожным отчаянием, как будто от этого зависела жизнь, тратя на это по три-четыре часа в день, до рези в глазах и до звона в ушах всматриваясь в строчки и вслушиваясь в незнакомую речь. В остальное время Маша пялилась в экран телевизора, просматривая один за другим фильмы с участием ее божества, прокручивая обратно самые захватывающие моменты и иногда нажимая на кнопку «Стоп», чтобы посмотреть на застывшее на экране лицо, красивое и притягательное до стона в горле. Маша Листопад умела любить. Жаль только, что никто так и не смог по достоинству оценить этот ее несомненный талант.

В принципе, у нее, конечно, были и другие таланты. В принадлежащей Лавре ивент-фирме, самой крупной в их городе организации, проводящей праздники «под ключ», Маша была главным человеком. После Лавры,

разумеется. Она придумывала сценарии, вписывала в них элегантные «фишечки», которые потом надолго запоминались всем гостям, точно и четко составляла сметы, вписывалась в них тютелька в тютельку, продумывала и учитывала каждую мелочь, умела договариваться с любым, самым капризным заказчиком и с любым, самым неисполнительным поставщиком.

Лавра не раз и не два говорила о том, что считает Машу своей преемницей, но то ли от того, что начальница вовсе не собиралась на покой, то ли от выпестованной мамочкой неуверенности в себе поверить в то, что она действительно чего-то стоит, Маша не могла. Работу свою она любила и до сих пор удивлялась, что за такое приятное времяпровождение ей еще и платят, уставала от проводимых мероприятий безмерно, в целом же была уверена, что жизнь ее не удалась, хотя и устоялась. Перемен Мария Листопад не ждала, в их возможность не верила и, как правило, находилась в состоянии уравновешенного спокойствия и фатализма. Эх, если бы еще не Джуд Лоу!

Двухнедельное затворничество подходило к концу, впрочем, так же, как и запасенная на него провизия. Выходить в магазин Маша не рисковала, чтобы не быть пойманной на своем вранье. Уехала, значит, уехала. На фоне любовных переживаний и стремительного овладения английским есть она практически не могла, так что купленных фруктовых компотов, банок с тушенкой и запасов картошки с морковкой ей хватило с лихвой. Со-

жалела она только об одном – рано или поздно нужно было возвращаться в реальную жизнь.

«А может, уволиться с работы, – размышляла Маша. – Буду сидеть дома и писать сценарии для Лавры. На еду и коммуналку хватит. А больше мне все равно по большому счету ничего не нужно».

«Не лги самой себе, – вступал в диалог внутренний голос. – Тебе-то, может быть, действительно нужно совсем немного. Но у тебя есть мама, и она вряд ли согласится с тем, что ты решила больше не работать».

Аргумент был весомым. Последние лет десять мама существовала исключительно на Машины доходы, и ее запросы были гораздо масштабнее, чем у самой Маши. Парикмахер, косметолог, маникюрша и педикюрша приходили к маме на дом раз в неделю. Продукты она покупала исключительно в дорогих супермаркетах, коньяк пила только французский, а одежду приобретала в бутике «Гардероб», в который Маша не могла заходить без внутреннего содрогания. Сама она носила только джинсы, стараясь приобретать их в секонд-хендах, но маме отказать не могла. Да, пожалуй, идея уволиться с работы не прокатит.

Маша собралась в очередной раз вздохнуть из-за собственного несовершенства, но не успела. Зазвонил телефон. «Лиля», – было написано на экране, и Маша все-таки вздохнула.

– Привет, пропажа, ты уже вернулась? – приветствовал ее звонкий голосок подруги, и Маша вдруг почувствовала себя неловко. В конце концов, Лиле было

вот-вот рожать, а Маша даже ни разу не удосужилась хотя бы в сообщении узнать, как у нее дела. Впрочем, за Лилю можно было не переживать. С такой семьей, как у нее, пропасть было невозможно.

– Вернулась, – покорно сказала Маша. – Ты там как?

– Да я-то нормально, – подруга, как всегда, внутренним камертоном чутко настроилась на ноты Машиного настроения, – а ты какая-то не такая, Листопад. Для человека, только что прилетевшего с Кипра, у тебя слишком унылый голос. Поездка не удалась, после самолета устала или влюбилась?

Нет, Лилия Ветлицкая умела смотреть в корень. Маша снова вздохнула.

– Лилька, не приставай ко мне, а, – жалобно попросила она. – Я потом тебе все расскажу. Честное слово.

– Рассчитываешь, что я рожу, погружусь в круговерть пеленок и сосок и про тебя забуду? – проницательно спросила Лиля. – Даже и не надейся, Листопад. Ничего у тебя не выйдет. Что? – теперь она говорила куда-то в сторону. – Да, хорошо. Валерия Сергеевна тебе привет передает, – ее голос снова послышался у Маши прямо в ухе. – Спрашивает, нормально ли ты отдохнула и когда выйдешь на работу? Вы какой-то новый заказ взяли, так что она без тебя как без рук.

– Скоро, – сказала Маша чужим, набухшим вдруг голосом. Слезы встали в горле, мешая словам. – Скажи, что я скоро выйду, Лиль. В следующий понедельник. Еще немного дома посижу и выйду. Куда я денусь.

– Ты там что, плачешь, что ли? – с подозрением спросила Лиля. – Слушай, Машка, хочешь, я к тебе сейчас приеду? Я же слышу, у тебя там что-то серьезное.

– Нет, не надо ко мне приезжать. – Маша так всполошилась, что даже плакать перестала. – Лиль, ну что ты придумала, право слово. Тебе рожать через две недели, а ты все скачешь, как Гаечка в мультике «Чип и Дейл спешат на помощь». Все у меня нормально, а что ненормально, то уже не исправишь. Не о чем и говорить. Все, давай, целую. Привет Лавре.

Она нажала на отбой раньше, чем Лиля успела что-то возразить, упала лицом в подушку и отчаянно зарыдала.

* * *

То, что он ищет уже несколько лет, теперь находилось совсем рядом. Осталось только руку протянуть и взять принадлежащее ему по праву. Боже мой, сколько же усилий для этого понадобилось. Оглядываясь назад, он понимал, что ни за что бы не прошел весь этот путь заново. А может быть, и прошел бы... Сумма, стоящая на кону, по крайней мере, точно стоила любых затраченных на нее усилий.

Он с отвращением оглядел комнату, в которой находился, и даже передернулся от охватившего его омерзения. Он мог остановиться в гостинице, принимающая сторона была вполне способна выдержать такие расходы, но в деле, которое он затеял, ему нужна была свобода передвижений и способность оставаться неза-

метным. В гостинице это было вряд ли бы возможно, и он выбрал съемную квартиру, старую и убитую, но в таком месте, где до него точно не было никакого дела соседям.

Боже мой, как же он это все ненавидит! Стены, оклеенные дешевыми обоями, вечно подтекающий унитаз в туалете, журчание воды в котором не дает ему спокойно спать по ночам. Или это не вода прогоняет сон, а нечистая совесть? Нет, ему нечего стыдиться, поскольку он пришел не за чужим, а за своим. Он просто восстанавливает историческую справедливость, не более того... Вернуть свое – не значит украсть. Нет, он не вор и ни на минуту не позволит самому себе усомниться в этом.

Старое зеркало в дверце такого же старого шкафа, стоящего в углу комнаты, которую он снимал, безучастно отражало крепкую, чуть коренастую мужскую фигуру и насупленное лицо со сверкающими глазами цвета стали. Мужчина в зеркале знал, что нравится женщинам. Всем женщинам, без исключения. Его план отчасти был построен именно на этом: понравиться женщине, которая стоит между ним и принадлежащей ему вещью, втереться в доверие, попасть в дом, понять, где именно она ЭТО хранит, и, оставшись одному в квартире, забрать. Главное – не привлечь внимание к этой вещи. Ведь девица понятия не имеет, что именно попало ей в руки. И узнать не должна. Если она не поймет, чего именно лишилась, это будет хорошо. Правильно.

Он посмотрел на висящий на стене календарь и тихо выругался себе под нос. На все про все у него осталось